

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Пламенный круг. Фёдор Сологуб

I. ЛИЧИНЫ ПЕРЕЖИВАНИЙ
«Я был один в моём раю...»
Я был один в моём раю,

И кто-то звал меня Адамом.

Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверьё,
Теснясь вокруг меня, на тело
Ещё невинное моё
С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались, благие.

Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, – как сон безгрешна,
И речь её была сладка,
Как нежный смех, – как смех утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, – навеки скрылась.

«Мы поклонялися владыкам...»
Мы поклонялися владыкам

и в блеске дня и в тьме божниц,
и перед каждым грозным ликом
мы робко повергались ниц.

Владыки гневные грозили,
и расточали гром и зло,
порой же милость возносили
так величаво и светло.

Но их неправедная милость,
как их карающая месть,
могли к престолом лишь унылость,
тоской венчанную, возвесть.

мерцал венец её жемчужный,
но свет его был тусклый блеск,
и вся она была – ненужный
и непонятный арабеск.

Владык встречая льстивым кликом, –
и клик наш соткан был из тьмы, –
в смятении темном и великом
чертог её ковали мы.

Свивались пламенные лица,
клубилась огненная мгла,
и только тихая денница
не поражала и не жгла.

«Когда звенят согласные напевы...»
Когда звенят согласные напевы

Ойлейских дев,
и в пляске медленной кружатся девы
под свой напев, –

Преодолев несносные преграды,
и смерти рад,

Вперяю я внимательные взгляды

В их светлый град.

Отрад святых насытись дуновеньем,

С тебя, Ойле,

Стремлюсь опять, окованный забвеньем,

К моей земле.

Во мгле земли свершаю превращенья.

Покорен я, -

И дней медлительных влачатся звенья,

О, жизнь моя!

«Разбудил меня рано твой голос, о Брама!...»

Разбудил меня рано твой голос, о Брама!

Я прошла по росистым лугам,

Поднялась по ступеням высокого храма

И целую священный Лингам.

Он возложен на ткани узорной,

Покрывающей древний алтарь

Стережет его голый и черный,

Диадемой увенчанный царь.

На священном Лингаме ярка позолота,

Сам он черен, громаден и прям..

Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,

Напою ароматами храм.

Алтарю, покрывалу, Лингам,

Я открою, что сладко люблю.

Вместе Шиву и Вишну и Браму я

Ароматной мольбой умолю.

«Насытив очи наготою...»

Насытив очи наготою

Эфирных и бесстрастных тел,

Земною страстной красотою

Я воплотиться захотел.

Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаяньи нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.

Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.

Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.

Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.
Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было – старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.

«Нерон сказал богам державным...»
Нерон сказал богам державным:

– Мы торжествуем и царим! –
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.

Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, –
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.

В сияньи цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
я встретил взор его пустой.

Кинжал в руке моей сжимая,
я не был робок, не был слаб, -
Но ликовала воля злая,
Меня схватил Неронов раб.

Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжен.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!

Нюрнбергский палач
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,

И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.

Народною боязнию
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнию
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, -
Палач - везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

Собака седого короля
Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так.
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх.
И мы, собаки, грубы.
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно.
То был король один.

Он пахнул тоже скверно,

Но он был властелин.

Я с ним и ночью влажной,

И в пыльном шуме дня.

Он часто с лаской важной

Похваливал меня.

Один лишь паж румяный,

Веселый мальчуган,

Твердил, что я – поганный

Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощая,

Я был с ним очень прост,

И часто он, играя,

Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятежно,

Пред ним смирял я злость.

Он пахнул очень нежно,

Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,

Он все ж со мной шалил,

И раз весьма испуган

Мальчишкою я был.

Опасную игрушку

Придумал навязать

Он мне на хвост: гремушку,

Способную пылать.

Дремал я у престола,

Где восседал король,

И вдруг воспрянул с пола,

В хвосте почуяв боль.

Хвостом косматым пламя

Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлись, –
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, –
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, –
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,

Чутья же вовсе нет.

«Струясь вдоль нивы, мертвая вода...»
Струясь вдоль нивы, мертвая вода

Звала меня к последнему забытью.

Я пас тогда ослиные стада,
И похвалялся их тяжелой прытью.

Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцей, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.

Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мертвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.

«Высока луна Господня...»
Высока луна Господня.

Тяжко мне.

Истомилась я сегодня
В тишине.

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно замирает
Все вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слышать шагов, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит

Быстрый шаг.

Жданный путник, кто ж он будет, -

Друг иль враг?

Под холодную луною

Я одна.

Нет, невмочь мне, - я завою

У окна.

Высока луна Господня,

Высока.

Грусть томит меня сегодня

И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте

Тишину.

Сестры, сестры! войте, лайте

На луну!

«Я жил как зверь пещерный...»

Я жил как зверь пещерный,

Холодной тьмой объят,

Заветам ветхим верный,

Бездушным скалам брат.

Но кровь моя кипела

В томительном огне, -

И призрак злого дела

Творил я в тишине.

Над мраками пещеры,

Над влажной тишиной

Скитались химеры,

Воздвигнутые мной.

На каменных престолах,

Как мрачные цари,

В кровавых ореолах

Мерцали упыри.

Безумной лаской нежить

Во тьме и тишине

Отверженная нежить

Сбиралася ко мне.

И я как зверь скитался

В кругу заклятых сил

И скверною питался,

Но смерти не вкусил.

«Степь моя!..»

Степь моя!

Ширь моя!

Если отрок я,

Раскрываю я

Желтенький цветок,

Зажигаю я

Желтенький, веселенький, золотой огонек.

Ты цветков моих не тронь, не тронь!

Не гаси ты мой земной, золотой огонь!

Степь моя!

Ширь моя!

Если дева я,

Раскрываю я

Аленький цветок,

Зажигаю я

Аленький, маленький, красный огонек.

Ты цветков моих не тронь, не тронь!

Не гаси ты мой ясный, красный огонь!

Степь моя!

Ширь моя!

Вею, вею я,

Раскрываю я

Желтенькие, аленькие цветки,

Зажигаю я

Золотые, красные огоньки.

Ты цветков моих не тронь, не тронь!

Не гаси ты мой красный, золотой огонь!

Какие-то светлые девы
Какие-то светлые девы

Сегодня гостили у нас.

То не были дочери Евы, -

Таких я не видывал глаз.

Я встретил их где-то далеко

В суровом лесу и глухом.

Бежали они одиноко,

Пугливо обнявшись, вдвоем.

И было в них много печали,

Больной, сиротливой, лесной,

И ноги их быстро мелькали,

Покрытые светлой росой.

Но руки их смелой рукою

Сложил я в спасающий крест,

И вывел их верной тропюю

Из этих пугающих мест.

И бедные светлые девы

Всю ночь прогостили у нас, -

Я слушал лесные напевы,

И сладкий, и нежный рассказ.

«Порой повеет запах странный...»
Порой повеет запах странный, -

Его причины не понять, -

Давно померкший, день туманный

Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь

На обветшалое крыльцо,

Засов скрипучий вновь отводишь,

Вращая ржавое кольцо, -

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

Лунная колыбельная
Я не знаю много песен, знаю песенку одну.
Я спою её младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихий ангел встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: – Ты не бойся, ты не дуйся, я засну.

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.

Он про звёздочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну.

Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.
Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, –

Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину,
И на речке с лёгким плеском круг за кругом пробежит волна в волну.

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою её младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

колыбельная

Много бегал мальчик мой.

Ножки голые в пыли.

Ножки милые помой

Мои ножки, задремли.

Я спю тебе, спю:

Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнул в двери сон.

Я шепнула: - Сон, войди. -

Волоса его, как лен,

Ручки дремлют на груди, -

И тихонько я пою:

Баю-баюшки-баю.

- Сон, ты где был? - За горой.

- Что ты видел? - Лунный свет.

- С кем ты был? - С моей сестрой.

- А сестра пришла к нам? - Нет. -

Я тихонечко пою.

Баю-баюшки-баю.

Дремлет бледная луна.

Тихо в поле и в саду.

Кто-то ходит у окна,

II. ЗЕМНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

«Веришь в грани? хочешь знать?..»

Веришь в грани? хочешь знать?

Полюбил Ее, - святую девственную Мать?

Боль желаний утоли.

Не узнаешь, не достигнешь здесь, во мгле земли.

Надо верить и дремать

И хвалить в молитвах тихих девственную Мать.

Все дороги на земле

веют близкой смертью, веют вечным злом во мгле.

«Злое земное томленье...»

Злое земное томленье,

Злое земное житье,

Божье ли ты сновиденье,
Или ничье?

В нашем, в ином ли твореньи
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
Надо идти?

Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
Мира тщета?

«Белая тьма созидает предметы...»
Белая тьма созидает предметы
И обольщает меня.

Жадно ищу я душою просветы
В область нетленного дня.

Кто же внесет в заточенье земное
Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
В свете его я пойму?

Или навек нерушима преграда
Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
И не уйти из тюрьмы?

«Равно для сердца мило...»
Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь –
И то, что прежде было,
И то, что будет вновь,
И темная могила,
И светлая любовь.

А то, что длится ныне,
Что мы зовем своим,

В безрадостной пустыне

Обманчиво, как дым.

Томимся о святыне,

Завидуем иным.

«Ветер тучи носит...»

Ветер тучи носит,

Носит вихри пыли.

Сердце сказки просит,

И не хочет были.

Сидеть за стеною, работником быть, -

О, ветер, - ты мог бы и стены разбить!

Ходить по дорогам из камней и плит, -

Он только тревожит, он только скользит!

И мертвые видеть повсюду слова, -

Прекрасная сказка навеки мертва.

«Неустанное в работе...»

Неустанное в работе

Сердце бедное мое, -

В несмолкающей заботе

Ты житье куешь мое.

Воля к жизни, воля злая,

Направляет пылкий ток, -

Ты куешь, не уставая,

Телу радость и порок.

Дни и ночи ты торопишь,

Будишь, слабого, меня,

И мои сомненья топишь

В нескончаемости дня.

Я безлепицей измучен.

Житие кляню мое.

Твой тяжелый стук мне скучен,

Сердце бедное мое.

«Мы – пленённые звери...»
Мы – пленённые звери,

Голосим, как умеем.

Глухо заперты двери,

Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,

Утешаясь лаем, мы лаем.

Что в зверинце зловонно и скверно,

Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, –

Однозвучно и скучно кукуем.

Все в зверинце безлично, обычно.

Мы о воле давно не тоскуем.

Мы – пленённые звери,

Голосим, как умеем.

Глухо заперты двери,

Мы открыть их не смеем.

«В дневных лучах и в сонной мгле...»
В дневных лучах и в сонной мгле,

В моей траве, в моей земле,

В моих кустах я схоронил

Мечты о жизни, клады сил,

И окружился я стеной,

Мой свет померк передо мной,

И я забыл, давно забыл,

Где притаились клады сил.

Порой, взобравшись по стене,

Сижу печально на окне, –

И силы спят в земле сырой,

Под неподвижною травой.

Как пробудить их? Как воззвать?

Иль им вовеки мирно спать,

А мне холодной тишиной

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Томиться вечно за стеной?

«Объята мглой вещей теней...»
Объята мглой вещей теней,

Она восходит в темный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моления?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся Бог?

Во мгле мерцают слабые лампы,
К стопам приник тяжелый холод плит.
Темны столпов недвижимые громады, -
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольнем!
Всему начертаны пути.

«Суровый звук моих стихов...»
Суровый звук моих стихов -
Печальный отзвук дальной речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О, вдохновенье горьких слов?

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.

И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгих мук!

«Державные боги...»
Державные боги,
Властители радостных стран!

Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.

Так надо, так надо, -
Мне вещей ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада, -
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.

Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.

А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь,
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.
Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.

«Змий, царящий над вселенною...»
Змий, царящий над вселенною,
Весь в огне, безумно злой,
Я хвалю тебя смиренною,
Дерзновенною хулой.

Из болотной топкой сырости
Повелел, губитель, ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.

И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизни ты обрек.

Тучи зыблешь ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,
Чтоб твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.

Неотменны повеления,
Нет пощады у тебя.
Ты царишь, презрев моления,
Не любя и все губя.

«Опять сияние в лампаде...»
Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует Бог в надзвездном граде,
А мой удел – унылый плен.

С иконы темной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, –

И пожелтелые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.

«Короткая радость сгорела...»
Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и темных жилищ.

Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного

Я светлым восторгом встречал.

Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жесткой его мостовой.

«Давно мне голос твой невнятен...»
Давно мне ГОЛОС ТВОЙ невнятен,
И образ твой в мечтах поблек.
Или приход твой невозвратен,
И я навеки одинок?

И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор несправедливой гордыне
Врагом безликим вознесен?

Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,
И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.

«Я напрасно хочу не любить...»
Я напрасно хочу не любить, -
И, природе покорствуя страстной,
Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.

Чуть могу любоваться тобой,
И сказать тебе слова не смею,
Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.

А настанут жестокие дни,
Ты уйдешь от меня без возврата,
О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.

«Цветик белоснежный...»
Цветик белоснежный

У тропы тележной

Вырос в месте незнакомом.

Ты, мой друг, простился с домом,

Ты ушел далеча, -

Суждена ль нам встреча?

Цветик нежный, синий

Над немой пустыней

Вырос в месте незнакомом.

Ты, мой друг, расстался с домом,

От тебя хоть слово

Я услышу ль снова?

«Скучная лампа моя зажжена...»

Скучная лампа моя зажжена,

Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,

Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом

Скудным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь

Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданыи одном

Чистым навеки зажечься огнем.

«Над безумием шумной столицы...»

Над безумием шумной столицы

В темном небе сияла луна,

И далеких светил вереницы,

Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,

И на звезды никто не глядел,

И союз их, вещающий вечно,

Безответно и праздно горел.

И один лишь скиталец покорный

Подымал к ним глаза от земли,

Но спасти от гибели черной

Их вещанья его не могли.

«Целуйте руки...»

Целуйте руки

У неясных дев,

Широкий плащ разлуки

На них надев.

Целуйте плечи

У милых жен, -

Покой блаженной встречи

Им возведен.

Целуйте ноги

У матерей, -

Над ними бич тревоги

За их детей.

«Ты в стране недостижимой...»

Ты в стране недостижимой, -

Я в больной долине снов.

Друг, томительно любимый,

Слышу звук твоих шагов.

Содрогаясь, внемлю речи,

Вижу блеск твоих очей, -

Бледный призрак дивной встречи,

Привидение речей.

Расторгают эвмениды

Между нами все пути.

Я изгнанник, - все обиды

Должен я перенести.

Жизнью скучной и нелепой

Надо медленно мне жить,

Не роптать на рок свирепый,

И о тайном ворожить.

III. СЕТЬ СМЕРТИ

«Забыв о родине своей...»

Забыв о родине своей,

Мы торжествуем новоселье, -

какое буйное веселье!

Какое пиршество страстей!

Но все проходит, гаснут страсти,

Скучна веселость наконец;

Седин серебряный венец

Носить иль снять не в нашей власти.

Все чаще станем повторять

Судьбе и жизни укоризны.

И тихий мир своей отчизны

Нам все отрадней вспоминать.

«Пламенем наполненные жилы...»

Пламенем наполненные жилы,

Сердце знойное и полное огнем, -

в теле солнце непомерной силы,

И душа насквозь пронизанная днем.

Что же в их безумном ликованьи?

Бездна ждет, и страшен рев её глухой.

В озарении, сверканьи и сгораньи

Не забыть ее, извечной, роковой.

«Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик...»

Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик,

Я услышал над собою, и узнал зловещий клик.

И приникши к изголовью, обагрённый жаркой кровью,

Мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью,

Засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,

И она легла спокойно, а двойник сказал: забудь.

Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,

Что вонзилось прямо в сердце, но любя не угрожало.

«В день воскресения Христова...»

В день воскресения Христова

Иду на кладбище, - и там

Раскрыты склепы, чтобы снова

Сияло солнце мертвецам.

Но никнут гробы, в тьме всеильной

Своих покойников храня,

И воздымают смрад могильный

В святыню праздничного дня.

Глазеют маленькие дети,

Держась за край решетки злой,

На то, как тихи гробы эти

Под их тяжелой пеленой.

Томительно молчит могила.

Раскрыт напрасно смрадный склеп, -

И мертвый лик Эммануила

Опять ужасен и нелеп.

«Грешник, пойми, что Творца...»

Грешник, пойми, что Творца

Ты прогневил:

Ты не дошел до конца,

Ты не убил.

Дан был тебе талисман

Вечного зла,

Но в повседневный туман

Робость влекла.

Пламенем гордых страстей

Жечь ты не смел, -

На перекрестке путей

Тлея истлел.

Пеплом рассыплешься ты,

Пеплом в золе.

О, для чего же мечты

Шепчут о зле!

«Изнемогающая вялость...»
Изнемогающая вялость,

За что-то мстящая тоска, -
В долинах - бледная усталость,
На небе - злые облака.

Не видно счастья голубого, -
Его затмили злые сны.

Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.

«Я воскресенья не хочу...»
Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, -
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.

Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было.

«Живы дети, только дети...»
Живы дети, только дети, -
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку -
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку,
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,

Жди, – придет и твой черед.

Задыхайся, цепенея,

леденея перед нею.

Срок пройдет, – подставишь шею, –

Ночь, неделя или год.

Чортовы качели
В тени косматой ели,

Над шумною рекой

Качает черт качели

Мохнатою рукой.

Качает и смеется,

Вперед, назад,

Вперед, назад.

Доска скрипит и гнется,

О сук тяжелый трется

натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом

Шатучая доска,

И черт хохочет с хрипом,

Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,

Вперед, назад,

Вперед, назад,

Хватаюсь и мотаюсь,

И отвести стараюсь

От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели

Хохочет голубой:

– Попался на качели,

Качайся, черт с тобой. –

В тени косматой ели

Визжат, кружась гурьбой:

– Попался на качели,

Качайся, черт с тобой. -

я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,
Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

«Забыты вино и веселье...»
Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, -
Один он идет в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.

И дверь заскрипела протяжно, -
В неё не входили давно.
За дверью и темно и влажно,
Высоко и узко окно.

Глаза привыкают во мраке, -
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.

Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков, и ждет,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесет.

Простая песенка
Под острями

Вражеских пик
Светик убитый,
Светик убитый поник.

Миленький мальчик
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Били, стреляли, -
Ты не бежал,
Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.

Конь офицера
Вражеских сил
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.

Миленький мальчик
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

IV. ДЫМНЫЙ ЛАДАН
«Там, за стеною, холодный туман от реки...»
Там, за стеною, холодный туман от реки.

Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, -
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, -
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, -
В нем я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, -
Вам погасить мой огонь не дано.

Сладкий, безумный и жгучий,
Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.

Плачет опять у порога
Бледная совесть – луна.
Ждет не дождется дорога, –
И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная, –
Лилия ждет, не дождется меня,
Светлого мая,
Огня.

«Мечтатель, странный миру...»
Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.

Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.

Он тайною завесил
Страстей своих игру, –
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.

Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд,
В прославленной долине
Его не веселят.

Поляну он находит,
Лишенную красы,
И там в мечтах проводит

Безмолвные часы.

«Никто не убивал...»
Никто не убивал,

Он тихо умер сам, -
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.

А небо далеко,
И даже - неба нет.
Пойми - и жить легко, -
Ведь тут же, с нами, свет.

Огнем горит эфир,
И ярки наши дни, -
Для ночи знает мир
Внезапные огни.

Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде, - увы! - нигде!

Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он как бог.

«Порочный отрок, он жил один...»
Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.

Она вплетала в его мечты
И зной и холод, - отраву злых болот.
Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвет.

«По тем дорогам, где ходят люди...»
По тем дорогам, где ходят люди,

В часы раздумья не ходи, -

Весь воздух выпьют людские груди,

Проснется страх в твоей груди.

Оставь селенья, иди далеко,

Или создай пустынный край,

И там безмолвно и одиноко

Живи, мечтай и умирай.

«Этот зыбкий туман над рекой...»

Этот зыбкий туман над рекой

В одинокую ночь, при луне, -

Ненавистен он мне, и желанен он мне

Тишиною своей и тоской.

Я забыл про дневную красу,

И во мглу я тихонько вхожу,

Еле видимый след напряженно слежу,

И печали мои одиноко несусь.

«Моя усталость выше гор...»

Моя усталость выше гор,

Во рву лежит моя любовь,

И потускневший ищет взор,

Где слезы катятся и кровь.

Моя усталость выше гор,

Не для земли её труды...

О, темный взор, о, скучный взор,

О, злые, страшные плоды!

«Если б я был к счастью приневолен...»

Если б я был к счастью приневолен,

Если б я был негой опьянен,

Был бы я, как цвет тепличный, болен

И страстями безумными спален.

Но легко мне: я живу печален,

Я суровой скорби в жертву дан.

Никаким желаньем не ужален,

Ни в какой не вдамся я обман.

И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенен,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, легкая, как сон.
«Грустные взоры склоняя...»
Грустные взоры склоняя,
Светлые слезы роняя,
Ты предо мною стоишь, -
Только б рыданья молчали, -
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.

Впалые щеки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Иль на грехи ты дерзаешь, -
Сердце мое ты терзаешь
Смертной своей белизной.

«Суровый друг, ты недоволен...»
Суровый друг, ты недоволен,
Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, -
И я больна.

Но не хочу я быть счастливой,
Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
С больным и злым.

Отвыкла я от жизни шумной
И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
Тоской твоей.

Перед тобой в немом томленьи
Сгораю я.

В твоём печальном заточеньи

Вся жизнь моя.

«Я спал от печали...»
Я спал от печали

Тягостным сном.

Чайки кричали

Над моим окном.

Заря возопила:

- Встречай со мной царя.

Я небеса разбудила,

Разбудила, горя. -

И ветер, пылая

Вечной тоской,

Звал меня, пролетая

Над моею рекой.

Но в тяжелой печали

Я безрадостно спал.

О, веселые дали,

Я вас не видал!

«Я лесом шел. Дремали ели...»
Я лесом шел. Дремали ели,

Был тощ и бледен редкий мох, -

Мой друг далекий, неужели

Я слышал твой печальный вздох?

И это ты передо мною

Прошел, безмолвный нелюдим,

Завороженный тишиною

И вечным сумраком лесным?

Я посмотрел, - ты оглянулся,

Но промолчал, махнул рукой, -

Прошло мгновенье, - лес качнулся, -

И нет тебя передо мной.

Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.

Ангел благого молчания
Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, –
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, –
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.
В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог,
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

«Обольщения лживых слов...»
Обольщения лживых слов
И обманчивых снов, –
Ваши прелести так сильны!

Утомителен летний зной.

На дороге лесной

Утешения тишины.

Позабудешься ты в тени, -

Отдохни и засни.

Старый сказочник не далек.

Он с дремотою подойдет.

Вещий лес оживет, -

И таинственный огонек.

Чего не было никогда,

Что пожрали года,

Что мечтается иногда, -

Снова молодо, снова здесь,

Станешь радостен весь,

В позабытую внидешь весь.

«Я живу в темной пещере...»

Я живу в темной пещере,

Я не вижу белых ночей.

В моей надежде, в моей вере

Нет сиянья, нет лучей.

Ход к пещере никем не виден,

И не то ль защита от меча!

Вход в пещеру чуть виден,

И предо мною горит свеча.

В моей пещере тесно и сыро,

И нечем её согреть.

Далекий от земного мира,

Я должен здесь умереть.

«За мельканьем волшебных узоров...»

За мельканьем волшебных узоров

Я слежу в заколдованной мгле,

И моих очарованных взоров

Не прельщает ничто на земле.

Обаянья мои как вериги,
я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
я безумцем порочным кажусь.

Но моя недоступна ограда,
Стережет меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне – отрада,
И надежд простодушных не жаль.

«В село из леса она пришла...»
В село из леса она пришла, –

Она стучала, она звала.

Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали её в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали её в дома,
И угрожала ночная тьма.

Когда ж, ликуя, заря взошла.

Она упала, – и умерла.

V. ПРЕОБРАЖЕНИЯ

«Оргийное безумие в вине...»
Оргийное безумие в вине,

Оно весь мир смеясь колышет.

Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.

Оно молчит в нависнувших ветвях,
И стережет в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовет в покой прохладный.

Порою, в воду мирно погрузясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.

«Преодолел я дикий холод...»
Преодолел я дикий холод

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Земных страданий и невзгод,

И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.

Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все цветущее хвалю.

Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.

«Холодная, жестокая земля!..»
Холодная, жестокая земля!

Но как же ты взрастила сладострастие?

Твои широкие, угрюмые поля
Извели ненастье, но и счастье.

Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повила злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,

И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?

«Оболью горячей кровью...»
Оболью горячей кровью,

Обовью моей любовью
Лилию мою.

В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
Бледную мою.

Ты моя, и отнимая
У ручья любимца мая,

Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьём у изголовья,
Бледная моя.
«Огонь, пылающий в крови моей...»
Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Еще я жду, – каких-то новых дней,
Восстановленья сил.
Спешу забыть все виденные сны,
И только сохранить
Привычку к снам, – полуночной весны
Пылающую нить.
Все тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, –
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.
«В светлый день похоронили...»
В светлый день похоронили
Мы склонившуюся тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, –
И светло ликует с нами,
Кто прошел сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В темных областях зимы.
«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»
Твоя душа – кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй,
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!
В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно пылен,
Душе мила иная весь.

«Вы не умеете целовать мою землю...»
Вы не умеете целовать мою землю,
Не умеете слушать Мать Землю сырую,
Так, как я ей внемлю,
Так, как я её целую.

О, приникну, приникну всем телом
К святому материнскому телу,
В озареньи святом и белом
К последнему склонюсь пределу, -

Откуда вышли цветы и травы,
Откуда вышли и вы, сестры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.

«Широкие улицы прямы...»
Широкие улицы прямы,
И пыльно, и мглисто в дали,
Чуть видны далекие храмы, -
О, муза, ликуй и хвали!

Для камней, заборов и пыли
Напевы звенящие куй,
Забудь про печальные были, -
О, муза, хвали и ликуй!

Пройдут ли, внезапны и горды,
Дерзнувшие спорить с судьбой, -
Встречай опьяневшие орды
Напевом, зовущим на бой.

«Люби меня ясно, как любит заря...»
Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.

Волшебством и тайной мой мир освети, -
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь, - не бойся, не лги.

«Безгрешный сон...»
Безгрешный сон,

Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон,
И о далеком возвещали.

Отрадный свет,
И на земле начертанные знаки!
Вам, сестры ясные, земля моя в ответ
Взрастила грезящие маки.

В блестящем дне
Отрада есть, - надежда вдохновенья.
О, сестры ясные, одна из вас ко мне
Сошла в тумане сновиденья!

«Ты незаметно проходила...»
Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла,
Как незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.

Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты.

И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.

Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.

«Дышу дыханьем ранних рос...»
Дышу дыханьем ранних рос,
Зарю ландышей невинных:
Вдыхаю влажный запах длинных
Русалочьих волос, -

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
Погибшего ребенка.

Она стонала над водой,
Когда её любовник бросил.
Ее любовник молодой
На шею камень ей повесил.

Заслышав шорох в камышах
Его ладьи и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.

И вот она передо мной,
Все та же, но совсем другая.
Над озаренной глубиной
Качается нагая.
Рукою ветку захватив,
Водою заревою плещет.
Забыла темные пути

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
В сияньи утреннем, и блещет.

И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным,
И влажным запахом пустынным
Русалкиных волос.

«Не понимаю, отчего...»
Не понимаю, отчего

В природе мертвенной и скудной
Встает какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.

Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, -
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье и свободу?

И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово,
И мир создать себе живой?

Окрест меня все жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колышет.

Но не понять мне, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Духовной жизни торжество.

«Все были сказаны давно...»
Все были сказаны давно

Заветы сладостной свободы, -
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.

Припомни брак еврейский в Кане,

И чудо первое Христа, -

И омочи свои уста

Водю, налитой в стакане.

И если верный ученик

В тебе воскреснет, - ток прозрачный

Рассеет сон неволи мрачной,

Ты станешь светел и велик.

Что было светлую водю,

То сердцем в кровь претворено.

Какое крепкое вино!

Какою бьет оно струю!

«Все было беспокойно и стройно, как всегда...»
Все было беспокойно и стройно, как всегда,

И чванились горы, и плакала вода,

И булькал смех девичий в воздушный океан,

И басом объяснялся с мамашей грубиян.

Пищали сто песчинок под дамским башмаком,

И тысячи пылинок врывались в каждый дом.

Трава шептала сонно зеленые слова.

Лягушка уверяла, что надо квакать ква.

Кукушка повторяла, что где-то есть куку,

И этим нагоняла на барышень тоску,

И, пачкающий лапки играющих детей,

Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей,

И красили уж небо в берлинскую лазурь,

Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,

И я, как прежде, думал, что я - большой поэт,

Что миру будет явлен мой незакатный свет.

«Жизнь проходит в легких грёзах...»
Жизнь проходит в легких грёзах,

Вся природа - тихий бред, -

И не слышно об угрозах,

И не видно в мире бед.

Успокоенное море

Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.

Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но – зачем откинут полог,
Если въявь, как и во сне?

VI. ВОЛХВОВАНИЯ
«В стране безвыходной бессмысленных томлений...»
В стране безвыходной бессмысленных томлений

Влачился долго я без грез, без божества,
И лишь порой для диких вдохновений
Я находил безумные слова.

Они цвели во мгле полночных волхвований,
На злом пути цвели, – и мертвая луна
Прохладный яд несбыточных желаний
Вливала в них, ясна и холодна.

«Я томился в чарах лунных...»
Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гусях златострунных
Сладостный напев.

В тишине замороженной
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
Но немой простор.

К вещей тайне, несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился в даль благоуханный,
Радостный завет.

«Полуночная жизнь расцвела...»
Полуночная жизнь расцвела.

На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,

Иль собою ты так весела?

В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я – только данник ночей?

Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней –
Только дань за недолгий восторг?

«Над усталую пустыней...»
Над усталую пустыней
Развернулся полог синий,
В небо вышел месяц ясный.
Нетревожный и нестрастный.

Низошла к земле прохлада,
И повеяла отрада.
В мой шатер, в объятья сна,
Тишина низведена.

С внешней жизнью я прощаюсь,
И в забвенье погружаюсь.
Предо мною мир нездешний,
Где ликует друг мой вешний,
Где безгрешное светило,
Не склоняясь, озарило
Тот нетленный, юный сад,
Где хвалы его звучат.

«Здесь, на этом перекрестке...»
Здесь, на этом перекрестке,
в тихий, чуткий час ночной
Ты стояла предо мною,
озаренная луной,
и, бессмертными словами
откровенье роковое

Повторяя, говорила,
что на свете только двое,
Что в созданыи многоликом
только я и только ты
В споре вечном и великом
сплетены, но не слиты.
Обе темные дороги
в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась
от восторга и печали.
И в сияньи непорочном,
в полуночной тишине
Все дыханья, вновь желанья
возвращались все ко мне.
Только ты одна таилась,
не стремилась к нашей встрече,
Вещим снам противореча,
вечно близко и далече.
«Луны безгрешное сиянье...»
Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мгlistом волхвованье,
Шептанье трав...

Сошлись полночные дороги.
На перекрестке я опять, -
Но к вам ли, демоны и боги,
Хочу воззвать?

Под непорочную луною
Внимая чуткой тишине,
Все, что предстало предо мною,
Зову ко мне.

мелькает белая рубаха, -
И по траве, как снег бледна,

Дрожа от радостного страха,
Идет она.

я не хочу её объятий,
я ненавижу прелесть жен,
я властью неземных заклятий
Заворожен.

Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, -
Но я - Твоя.

Сгорали демоны и боги,
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
Добра и зла».

Упала белая рубаха,
и предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
Стоит она.

«Водой спокойной отражены...»
Водой спокойной отражены,
Они бесстрастно обнажены
При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд,
И тихие напевы таинственно звучат.
Стопами белых ног едва колеблют струи,
И волны, зыбляся у ног. звучат как поцелуи.

Сияет месяц с горы небес,
Внимает гимнам безмолвный лес,
Пора настала ночных чудес.
Оставлены одежды у темного пути.
Свершаются надежды. - обратно не идти.
Таинственный порог, заветная ограда, -

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Переступить порог, переступить им надо.

Их отраженья в воде видны,
И все движенья повторены
В замороженных лучах луны.
Огонь, пылавший в теле, томительно погас, -
В торжественном пределе настал последний час.
Стопами белых ног, омытыми от пыли.
Таинственный порог они переступили.

«Ты печально мерцала...»
Ты печально мерцала

Между ярких подруг,
И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живёшь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжёшь.

«Надо мною, как облако...»
Надо мною, как облако

Над вершиной горы,
Ты пройдешь, словно облако
Над вершиной горы,

В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,

В обаяньи святом.

Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, -
Утомленный, безрадостный,
За тобою глядеть,

Тосковать и печалиться,
Безнадежно грустить,
О далеком печалиться,
О бесследном грустить.

«Вот минута прощальная...»
Вот минута прощальная

До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?

Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалася
С их немой тишиной?

И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

«Есть тропа неизбежная...»
Есть тропа неизбежная

На крутом берегу, -
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу,

Улыбается сладкая,

и бежит далеко.

Юность сладкая, краткая,

Только с нею легко.

Пробежит, – зарумянится,

Улыбаясь, лицо,

И кому-то достанется

Золотое кольцо...

Рокового, заклятого

Не хотеть бы кольца,

Отойти б от крылатого,

Огневого гонца.

Ночь настанет, и опять

Ночь настанет, и опять

Ты придешь ко мне тайком,

Чтоб со мною помечтать

О нездешнем, о святом.

И опять я буду знать,

Что со мной ты, потому,

Что ты станешь колыхать

Предо мною свет и тьму.

Буду спать или не спать,

Буду помнить или нет, –

Станет радостно сиять

Для меня нездешний свет.

Ведьме

Поклонюсь тебе я платой многою, –

Я хочу забвенья да веселия, –

Ты поди некошною дорогою,

Ты нарви мне ересного зелия.

Белый саван брошен над болотами,

Мертвый месяц поднят над дубравою, –

Ты пройди заклётыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.

Страшен навий след, но в нем забвение,
Горек омег твой, но в нем веселие,
Мертвых уст отрадно дуновение, -
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.

«Громадный живот...»
Громадный живот,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный рот,
А в носу - золотое кольцо.

Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, -
Он - кудесник и враг,
И свирепость его голодна.

На широком столбе
Он сидит, глядит на меня,
И твердит о судьбе,
Золотое копьё наклоня.

- Сразить не могу, -
Говорит, - не пришел еще срок.
я тебя стерегу,
Не уйдешь от меня: я жесток.

- Копьё подыму,
Поражу тебя быстрым копьём,
И добычу возьму
В мой костыми изукрашенный дом. -

«Где безбрежный океан...»
Где безбрежный океан,
Где одни лишь плещут волны,
Где не ходят челны, -
Там есть фея Кисиман.

На волнах она лежит,
Нежась и качаясь,
Плещет, блещет, говорит, -
С нею фея Аtimaис.

Аtimaис. Кисиман -
Две лазоревые феи.
Их ласкает океан.
Эти феи - ворожеи.

К берегам несет волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Аtimaис.

Пенит гневный океан,
Кораблям ломая донья,
Злая фея Кисиман,
Ворожащая спросонья.
Злые феи - две сестры -
Притворяться не умеют.
Бойся в море злой поры,
Если обе чары деют.

«Не трогай в темноте...»
Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, -
Быть может, это - те,
Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый ноготь, -

Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Затеет? мучить? нежить?

Куда ты ни пойдёшь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснёшь.
Но что же будет после?

Прозрачною щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.
И будет жуткий страх, -
Так близко, так знакомо,
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.

«Злая ведьма чашу яда...»
Злая ведьма чашу яда

Подает, - и шепчет мне:
- Есть великая отрада
В затаенном там огне.

- Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, -
Не боишься? так по воле
Пей её или не пей.

- Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.

- Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдешь, который велен
Духом скрытого огня.

- Кое-что умрет, конечно,
У тебя внутри, - так что ж?

Что имеешь, ты навечно
Все равно не сбережешь.
Но зато смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы.

- Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрел,
И широкими путями
Умертвлять ничтожность дел. -

Так, смеясь над чашей яда,
Злая ведьма шепчет мне,
что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне.

«В тихий вечер, на распутьи двух дорог...»
В тихий вечер, на распутьи двух дорог
я колдунью молодую подстерёг,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Преодо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмёшь, -
С ним не бойся, - не захочешь, не умрешь.
Этот камень все на шее ты носи,
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, -
Только жить, все жить ты будешь без конца.
Станет скучно, - ты веревку оборвёшь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь».

«Я подарю тебе рубин...»
Я подарю тебе рубин, -
В нем кровь горит в моем огне.

Когда останешься один,
Рубин напомнит обо мне.

В нем кристаллический огонь
И металлическая кровь, -
Он тихо ляжет на ладонь
И обо мне напомнит вновь.

Весь окровавленный кристалл
Горит неведомым огнем.
Я сам его зачаровал
Безмолвным, неподвижным сном.

Не говорит он о любви,
И не любовь в его огне, -
В его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо Мне.

«Зелёный изумруд в твоём бездонном взоре...»
Зелёный изумруд в твоём бездонном взоре,
Что зеленело на просторе,
Замкнулось в тесный круг.
Мерцает взор зелёный, изумрудный, -
Мне кажется, что феей чудной
Прокинешься ты вдруг.

Уже не дева ты, - Зелёная царица,
И смех твой - звон ручья,
И взор зелёный твой - лукавая зарница,
Но ты - опять моя.

И как бы ты в траве ни затаилась,
И чем бы ты ни притворилась,
Сверкая и звеня, -
Везде найду тебя, везде тебя открою,
Зеленоглазая! ты все со мною,
Ты вечно для меня.

«Иду в лесу. Медлительно и странно...»

Иду в лесу. Медлительно и странно

Вокруг меня колеблется листва.
Моя мечта, бесцельна и туманна,
Едва слагается в слова.
И знаю я, что ей слова ненужны, -
Она дыхания нежней,
Ее вещания жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она - краса лесная,
И все поет в лесу,
Хвалю радостной венчая
Ее красу.

«Зачем возрастаю?..»
- Зачем возрастаю? -

Снегурка спросила меня:
- Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу веселую стаю,
Растаю, по камням звеня.
И ты позабудешь меня. -

Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрешь без укора,
Уснешь глубоко

«В чародейном, темном круге...»
В чародейном, темном круге,
все простив что было днём,
Дал я знак Моей подруге
тихо вспыхнувшим огнём.

И она пришла, как прежде,
под покровом темноты.
Позабыл я все вопросы,
и спросил я: - Кто же ты?

И она с укором кротким
посмотрела на меня.

лик её был странно бледен
в свете тайного огня.

Вкруг неё витали чары
нас обнявшего кольца, –
И внезапно стал мне внятен
очерк близкого лица.

«Наивно верю временам...»
Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам, –
Земным изменчивым убранствам
и беспредельным небесам.

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, –
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.

В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.

«Ты не бойся, что темно...»
Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, –
Все невинно, все смешно,
Все Божественной игрою
Рождено и суждено.

Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.

Мой напиток пей до дна.
В нем забвенье всех томлений;

Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.

Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Все иное – неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Все легко и все забвенно.

VII. ТИХАЯ ДОЛИНА
«В весенний день мальчишка злой...»
В весенний день мальчишка злой

Пронзил ножом кору березы, –
И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачную струей.

Но созидаящая сила
Еще изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, –
Они, как прежде, колыхались,
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.

«Я дорогой невинной и смелою...»
Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и делаю, –
Вот свобода моя.

Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу черному
Вас косою не скосил, –

И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаньям
Силу жизни дала.

«Надо мной голубая печаль...»

Надо мной голубая печаль,
И глядит она в страхе высоком
Полуночным таинственным оком
На земную туманную даль.

Бездыханно-холодные травы
Околдованы тихой луной,
И смущен я моей тишиной,
Но стези мои тайные правы.

Не об этом ли шепчут ручьи,
Что в моих неподвижных туманах
Беспорочно в томительных странах
Пронесу помышленья мои?

«Есть соответствия во всём...»
Есть соответствия во всём, –

Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слезы мы найдём,

И если жаждем утешенья,
Бежим далеко от людей.
Среди лесов, среди полей
Покой, безмыслие, забвеньё.

Ветвями ветер шелестит,
Трава травую так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.

Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всем
Мы соответствия найдем
Своей душе, своей свободе.

«Час ночной отраден...»
Час ночной отраден

Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,

Темен мрак ночной.

Только звезд узоры,
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
Грусть моя, усни!

Вся обычность скрыта,
Тьмою скрыты все черты.
Ночь – безмолвная защита
Мне от суеты.

Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережет,
Чутких глаз с меня не сводит,
Но не подойдет.

«Чернеет лес по берегам...»
Чернеет лес по берегам.

Один сию я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.

На небе ясная луна,
А на реке туман встаёт.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поёт.

О, ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?

«Затаился в траве и лежу...»
Затаился в траве и лежу, –
И усталость мою позабыл, –
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,

И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

«Ты ко мне приходила не раз...»
Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час,
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль,
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осень.

И мы шли по широким полям,
И цветы улыбалися нам,
И смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас – потерянный рай,
Что я светлый и радостный май,
И что ты – молодая весна.

«Камыш качается...»
Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.

Едва колышется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,

И кто-то радостный

Несет мне весть,

Что подвиг сладостный

И светлый есть.

На небе чистая

Моя звезда

Зажглась лучистая,

Горит всегда,

И сны чудесные

На той звезде, -

И сны небесные

Со мной везде.

«Ты ничего не говорила...»

Ты ничего не говорила, -

Но уж и то мне был укор.

К смиренным травам ты склонила

Твое лицо и кроткий взор,

И от меня ушла неспешно,

Вдыхая слабый запах трав.

Твоя печаль была безгрешна,

И тихий путь твой не лукав.

«Своеволием рока...»

Своеволием рока

Мы на разных путях бытия, -

Я - печальное око,

Ты - веселая резвость ручья;

Я - томление злое,

Ты - прохладная влага в полях,

Мы воистину двое,

Мы на разных, далеких путях.

Но в безмолвии ночи,

К единению думы склоня,

Ты закрой свои очи,

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Позабудь наваждения дня, -

И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, -
Все едино в созданыи,
Где сознанию возникнуть, там Я.

«Опять заря смеяться стала...»
Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.

Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.

Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь, смиренный - прав.
К твоим ногам, в лобзаньи нежном,
Приникли стебли тихих трав.

И свежесть утренней прохлады
Тебя лаская обняла.

Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.

«Ты не заснула до утра...»
Ты не заснула до утра,
Грустя, благоухая,
О, непорочная сестра
Смеющегося мая!

Среди полей внимала ты
Полночному молчанью,
Полету радостной мечты,
И звездному сиянью.

И ночь, склонившись над тобой,

Сквозь ясные светила

Благословляющей росой

Окрест тебя кропила.

«Вдали от скованных дорог...»

Вдали от скованных дорог,

В сиянии заката,

Прикосновеньем нежным ног

Трава едва примята.

Прохлада веет от реки

На знойные ланиты, -

И обе стройные руки

Бестрепетно открыты.

И разве есть в полях цветы,

И на небе сиянье?

Улыбки, шепот, и мечты,

И тихое лобзанье.

«Прозрачный сок смолистый...»

Прозрачный сок смолистый,

Застывший на коре.

Пронизан воздух мгlistый

Мечтаньем о заре.

Скамейка у забора,

Далекий плеск реки.

Расстаться надо скоро...

Пожатие руки...

Ты скрылась в тень густую

В замолкнувшем саду.

Гляжу во мглу ночную,

Один в полях иду.

Застенчивой весною,

Стыдяся белых ног,

Не ходишь ты со мною

Просторами дорог.

Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар,
И в поле ты, босая, -
В платочке голова, -
Пойдешь, цветкам бросая
Веселые слова.

«Любовью легкою играя...»
Любовью легкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем Божий рай.

Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берез,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.

Резвей веселого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край,
И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла

И пену сладкую лила,

Ли́ла, ли́ла, ли́ла, качала

Два тельно-алые стекла.

Белей лилей, алее лала

Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-кристальных

Отраву сладкую тая,

Была милее дев лобзальных

Ты, смерть отрадная моя!

«Близ одинокой избушки...»

Близ одинокой избушки

Молча глядим в небеса.

Глупые стонут лягушки,

Мочит нам платье роса.

Все отсырели дороги, –

Ты не боишься ничуть,

И загорелые ноги

Так и не хочешь обуть.

Сердце торопится биться, –

Твой ожидающий взгляд

Рад бы ко мне обратиться,

Я ожиданию рад.

«Прохладная забава...»

Прохладная забава, –

Скамейка челнока,

Зеленая дубрава,

Веселая река.

В простой наряд одета,

Сидишь ты у руля,

Ликующее лето

Улыбкою хваля.

Я тихо подымаю

Два легкие весла.

Твои мечты я знаю, -

Душа твоя светла.

Ты слышишь в лепетаньи

Прозрачных, тихих струй

Безгрешное мечтанье,

Невинный поцелуй.

«Тропинка вьется...»

Тропинка вьется,

Река близка,

И чья-то песня раздаётся

Издалека.

Из-за тумана

Струясь, горя,

Восходит медленно и рано

Моя заря.

И над рекою

Проходишь ты.

Цветут над мутной глубиной

Твои мечты.

И нет печали,

И злых тревог, -

Росинки смехом задрожали

У милых ног.

«Я печален, я грешен...»

Я печален, я грешен, -

Только ты не отвергни меня.

Я твоей красотой утешен

В озареньи ночного огня.

Не украшены стены,

Желтым воском мой пол не натерт,

Я твоей не боюсь измены,

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Я великою верою тверд.

И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.

Есть у бедности сила, -
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.

VIII. ЕДИНАЯ ВОЛЯ
«О, жалобы на множество лучей...»
О, жалобы на множество лучей,
И на неслитность их!
И не искать бы мне во тьме ключей
От кладезей моих!
Ключи нашел я, и вошел в чертог,
И слил я все лучи.
Во мне лучи. Я - весь я - только Бог.
Слова мои - мечи.
Я только Бог. Но я и мал, и слаб.
Причины создал я.
В путях моих причин я вечный раб,
И пленник бытия.

«Иду в смятеньи чрезвычайном...»
Иду в смятеньи чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Свои порывы узнаю.

Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой,
Или игрой мне чуждых сил.

Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, - жизнь моя

Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.

«Околдовал я всю природу...»
Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
я чародействуя постиг!

И развернулась без предела
Моя предвечная вина,
И далеко простерлось тело,
И так разверзлась глубина!

Воззвав к первоначальной силе,
я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
что я природу создал сам.

«День сгорал, недужно бледный...»
День сгорал, недужно бледный
и безумно чуждый мне.
я томился и метался
в безнадежной тишине.

Я не знал иного счастья, -
стать недвижимым, лечь в гробу.
За метанья жизни пленной
клял я злобную судьбу.

Жизнь меня дразнила тупо,
возвещая тайну зла:
Вся она, в гореньи трупа,
Мной замыслена была.

Это я из бездны мрачной
вихри знойные воззвал,
и себя цепями жизни
для чего-то оковал.

И среди немых раздолий,
где царил седой Хаос,
Это я своею волей
жизнь к сознанию вознёс.

«В долгих муках разлученья...»
В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.

Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность – только ложь?

Не для прихоти мгновенной
я извел тебя из тьмы,
чтобы в день, теперь забвенный,
но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.

В беспредельности стремленья
Вплотить мои мечты,
Не ушел я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.

«Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч...»
Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч, –
Мы не ждали, не гадали, не искали на земле и в небе встреч.

Обагрят землю кровью, мы любовью возрастили те цветы,
Где сверкало, угрожая, злое жало безнадежной красоты.

И в пустынях терпеливых нами созданной земли
В напряжении мечтанья и желанья вдруг друг друга мы нашли,

Для печали и для боли, для безумия, для гроз...

Торжество безмерной воли, это я тебя вознёс.

«На гибельной дороге...»
На гибельной дороге

Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит моя душа.

Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звезд.

Но, чары расторгая
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
я дерзко погасил.

И вот – подьёмлю стоны,
Но подвиг мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.

Творенья не покину,
Но, все ко мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби меня.
Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но все – ко Мне идти.

Настал конец утехам,
Страдать и мне пора, –
Гремят безумным смехом
Долина и гора.

Но заповедь едину

Бесстрастно я простер

На темную долину,

На выси гордых гор.

«Он не знает, но хочет...»

Он не знает, но хочет, -

Оттого возрастает, цветёт,

Ароматные сладости точит,

И покорно умрёт.

Он не знает, но хочет.

Непреклонная воля

Родилась во тьме.

Только выбрана доля -

Та иль эта - в уме,

Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,

Расцвести ль, зазвенеть ли,

Завязать ли жемчужную нить,

Разорвать ли лазурные петли,

Все равно - умереть или жить.

«Мой ландыш белый вянет...»

Мой ландыш белый вянет,

Но его смерть не больная.

Его ничто не обманет,

Потому что он хочет не зная,

И чего хочет, то будет,

чего не будет, не надо.

Ничто его не принудит,

И увяданье ему отрада.

Единая Воля повсюду,

И к чему мои размышленья?

Надо поверить чуду

Единого в мире хотенья.

«В последнем свете злого дня...»
В последнем свете злого дня,

В паденьи сил, в затменьи Бога,

Перед тобой моя дорога.

Приди ко Мне, люби Меня.

В мирах все призрачно и тленно,

Но вот Я заповедь даю,

Она вовеки неизменна:

Люби Меня и жизнь Мою.

Я - все во всем, и нет Иного.

Во мне родник живого дня.

Во тьме томления земного

Я - верный путь. Люби Меня.

«То не слёзы, - только росы, только дождь...»
То не слёзы, - только росы, только дождь.

Не раздумье, - только тени темных рощ,

И не радость, - только блещет яркий змей, -

Все же плакать и смеяться ты умей!

Плоть и в свете неподвижна и темна,

Над огнями бездыханна, холодна.

В тёмном мире неживого бытия

Жизнь живая, солнце мира - только Я.

IX. ПОСЛЕДНЕЕ УТЕШЕНИЕ

«Маленькие кусочки счастья...»

Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?

Дивные и мудрые книги,

таинственные очарования музыки,

умилительные молитвы,

невинные, милые детские лица,

сладостные благоухания,

и звезды, - недоступные, ясные звезды!

О, фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?

Ты жалуешься:

«Кратким,
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и её нет».

Успокойся, сердце мое, замолчи.

Твои биения меня утомили.

И уже воля моя отходит от меня.

«Белый мой цветок, таинственно-прекрасный...»
Белый мой цветок, таинственно-прекрасный,

Из моей земли, из черной ты возник,
На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
И понятен мне безмолвный твой язык.

Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,

Ты зовешь туда, откуда вышел ты, -

Я твоим вещаньям не противоречу,

К твоему дыханью наклонив мечты.

«Елисавета, Елисавета...»
Елисавета, Елисавета,

Приди ко мне!

Я умираю, Елисавета,

Я весь в огне.

Но нет ответа, мне нет ответа

На страстный зов.

В стране далекой Елисавета,

В стране отцов.

Ее могила, её могила

В краю ином.

Она скончалась. её могила -

Ревнивый дом.

Победа смерти не победила

любви моей.

Сильна могила, её могила. -

Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,

Приди ко мне!

Я умираю, Елисавета,

Я весь в огне

Слова завета, слова завета

Не нам забыть.

С тобою вместе, Елисавета,

Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя

Пора пришла.

Земное злое растает бремя,

Как сон, как мгла.

Земное бремя, – пространство, время,

Мгновенный дым.

Земное, злое расторгнем бремя,

И победим!

Елисавета, Елисавета,

Приди ко мне.

Я умираю, Елисавета,

Я весь в огне.

Тебя я встречу в блистаньи света,

Любовь моя.

Мы будем вместе, Елисавета,

И ты, и я.

«Поет печальный ГОЛОС...»

Поет печальный ГОЛОС

Про тишину ночную,

Глядит небесный лебедь

На лилию земную.

На ней роса мерцает

От четырех озер.

В лазоревое море

Она подымлет взор.

Поет печальный голос
О чем-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь.
В пути ли невозвратном?

Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Ее волна колышет,
Ее лелеет мгла.

«Чиста любовь моя...»
Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье

Люблю одну тебя,
Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.

И знаю я, что здесь
Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних темных мест далече.

А мой удел земной -
В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.

«Я к ней пришёл издалека...»
Я к ней пришёл издалека.
Окрест, в полях, прохлада.
И будет смерть моя легка
И слаще яда.

Я взоры тёмные склонил.
В траву роса упала.

Еще дышу. Так мало сил.

Так жизни мало.

Туман восходит, – и она

Идет, так тихо, в поле.

Поет, – мне песнь её слышна, –

Поет о воле.

Пришел. Она ко мне близка.

В её очах отрада.

И смерть в руке её легка

И слаще яда.

«Я влюблён в мою игру...»
Я влюблён в мою игру.

Я играя сам сгораю,

И безумно умираю,

И умру, совсем умру.

Умираю от страданий,

Весь измученный игрой,

Чтобы новою зарей

Вывести новый рой созданий.

Снова будут небеса, –

Не такие же, как ваши, –

Но опять из полной чаши

Я рассею чудеса.

«Невинный цвет и грешный аромат...»
Невинный цвет и грешный аромат

Левкоя

Пленительным желанием томят

Покоя.

Так сладостно склоняться в полусне

Под тенью

К желанному и радостному мне

Забвенью, –

Простивши все, что было в жизни злом
И мукой,
Стереть и память даже о былом
Разлукой.

«Свободный ветер давно прошумел...»
Свободный ветер давно прошумел

И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, -
А чуткая стрела
Над гордою башнею возвышенного дома
Все обращает свое тонкое острие
К далекой и странной области
Мечты.

Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли в мгlistом безмолвии.

Туман поднимается
Над топкими берегами реки.
Усталые дети чего-то просят
И плачут.

Наступает
Моя последняя стража.

Дивный край недостижим, как прежде,
И я, как прежде, только я.

«Что было, будет вновь...»
Что было, будет вновь,
Что было, будет не однажды.

С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды.

Придет с высоких гор.
Я жду. Я знаю, - не обманет.
Глубок зовущий взор.
Стилет остер, и сладко ранит.

Моих коснется плеч.

Приникнет в тайне бездыханной.

Потом затопит печь,

И тихо сядет ждать за ванной.

Звенящие струи

Прольет, открыв неспешно краны,

И брызнет на мои

Легко означенные раны.

И дверь мою замкнет,

И тайной зачарует стены,

И томная войдет

В мои пустующие вены.

С водой смешаю кровь

Устам, иссохнувшим от жажды.

Что было, будет вновь.

Что было, будет не однажды.

«Мы были праздничные дети...»

Мы были праздничные дети,

Сестра и я.

Плела нам радужные сети

Коварная Змея.

Стояли мы, играть не смея

На празднике Весны.

У злого, радостного Змея

Отравленные Сны

Хоть бедных раковин случайно

Набрать бы у ручья, -

Нет, умираем, плача тайно,

Сестра и я.

«Настало время чудесам...»

Настало время чудесам.

Великий труд опять подьемлю.

Я создал небеса и землю,

Пламенный круг. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

И снова ясный мир создам.

Настало творческое время.

Земное бремя тлеет вновь

Моя мечта, моя любовь

Восставит вновь иное племя.

Подруга смерть, не замедляй,

Разрушь порочную природу,

И мне опять мою свободу

Для созидания отдай.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!